

А. Г. Машкова

НИЦШЕАНСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРО-ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ ЛЮДО ОНДРЕЙОВА «МАРТИН НОЦИАР ЯКУБОВИЕ»

Социально-политический и экономический кризис в Европе, который пришелся на первую половину XX в., был воспринят многими писателями мира, в том числе и словацкими, как неотъемлемое свойство цивилизации. В этой ситуации обращение к ницшеанским мотивам стало своего рода формой протеста, выражением бунтарского начала, активно проявившегося в прозе словацкого натуралиста. Наглядным примером тому может служить творчество Людо Ондрейова (1901–1962), зачинателя этого течения, известного поэта и прозаика, автора трилогии «Солнце взошло над горами».

Впервые на этот факт обратил внимание видный словацкий критик Ш. Крчмеры в рецензии на лиро-эпическую поэму Ондрейова «Мартин Ноциар Якубовие» (1932). В частности, в ондрейовской концепции мира и человека Крчмеры увидел, как он писал, «нечто нечеловеческое или сверхчеловеческое, по крайней мере драконовское, что подтверждает и сам стиль заратустровский»¹. Впоследствии об этом писали и другие словацкие исследователи (Я. Штевчек, Я. Поляк, З. Клатик, А. Благова-Шикулова). Однако никто из них специально эту проблему не исследовал. Вместе с тем она представляется весьма интересной, ибо позволяет выявить не только восприятие Ондрейовым отдельных положений ницшеанской философии, но и эволюцию его творческой концепции, которая находит свое завершение в трилогии «Солнце взошло над горами» (1937, 1939, 1950).

Свою работу над поэмой, которая является переходом от ранней поэзии к прозе, и, в частности, к трилогии, писатель закончил в 1931 г. Однако рукопись была отвергнута издателем под предлогом того, что она «своим философским содержанием не подходит редакции»². Год спустя Ондрейов издал ее на собственные средства.

Многие мотивы, звучавшие в его лирике, получают свое развитие в поэме, а затем переходят в прозу. Прежде всего – это воспевание свободы человека, его стремления к познанию мира и через мир – к познанию сущности человеческой природы, в том числе и самого себя; это выражение естественных человеческих чувств – любви к

¹ Krčmery Š. Ľudo Ondrejov. Martin Nociar Jakubovie // Slovenské pohľady. 1948. Č. 9A. S. 560.

² Ondrejov Ľ. O umeleckosti v literatúre // Kultúrny život. 1955. Č. 20. S. 8

родному дому, матери, природе. Лучезарный мир детства и жестокость окружающей действительности, мечта человека о совершенстве и угроза разрушения традиционных ценностей – на этих контрастах строятся практически все произведения словацкого писателя.

За внешней простотой формы поэмы «Мартин Ноциар Якубовие», доступностью ее содержания скрывается глубокий философский смысл, стремление проникнуть в суть вещей, показать их неоднородность. Отсюда – ассоциативность образов, метафоричность стиля, тенденция к мифологизации. При этом философская направленность произведения сочетается с реальностью образов, их заземленностью, национальным колоритом. Ибо Ондрейов всегда руководствовался принципом, что «самые прекрасные, самые примечательные образцы, если говорить, конечно, об искусстве, человек найдет в народном творчестве»³. Это подтверждает и характер героя поэмы, во многом унаследовавший черты народного мстителя Яношика, и обращение поэта к фольклорной образности, и жанровая структура поэмы.

Вместе с тем, наряду с национальными традициями, в ондрейовской поэме отчетливо просматривается воздействие философской концепции и поэтики «ницшеанской Библии»⁴ – «Так говорил Заратустра», пользовавшейся в начале XX в. большой популярностью среди определенной группы словацких литераторов, которые стремились обнаружить в ней идеи и способы их выражения, созвучные времени, собственным творческим поискам.

Об интересе Ондрейова к произведению Ницше свидетельствует уже одно из ранних стихотворений словацкого поэта – «К надгробиям идем» из сборника «Без возвращения» (1932) (ср. с главой «Надгробная песнь» из «Заратустры»).

Царство смерти откликнется мне,
жалобно степь вздохнет.
Звон подков коней раздастся
И они рванут в галоп –
О, Заратустра, Заратустра»
(перевод мой. – А. М.)⁵

³ Ondrejov L., Maľovčík A. Život a dielo Ľudo Ondrejova v dátách. Biografické štúdie. Martin, 1980. S. 5.

⁴ Свасьян К. А. Примечания // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 770.

⁵ Ondrejov L. Lyrika. Bratislava, 1971. S. 38. Далее произведение цитируется по этому изданию, номера страниц указываются в тексте.

В поэме «Мартин Ноциар Якубовие» воздействие «Заратустры» проявляется на разных уровнях (философская основа, идейно-тематический план, отдельные мотивы, образы, жанрово-стилевые особенности, текстуальные совпадения).

Сформулировав новую систему ценностей, Ницше одной из основных объявил свободу. «Нужно уметь *сохранять себя* – сильнейшее испытание независимости», – писал немецкий философ⁶. И для Ондрейова свобода была наивысшей жизненной ценностью. Ратовавший за освобождение человека от всяческих пут, словацкий писатель реализует идею свободы посредством мотива странствований, в котором воплотилось его стремление разорвать сковывающие человека пути обыденности. С мотивом странствований, вольности неразрывно связан мотив природы, являющейся одним из основных средств выражения чувства внутренней неудовлетворенности окружающей действительностью. Символическое осмысление картин природы в поэме осуществляется посредством пространственно-временного континуума: с его помощью автор пытается разрушить ограничивающее героя замкнутое пространство; с природой связывает он его мечту о вольности, стремление к свободе.

Таким образом, пейзажная живопись отражает в произведении Ондрейова устремленность человека в бесконечность, к абсолюту, олицетворяющему собой высшие жизненные ценности. Вместе с тем это движение совершается как бы в замкнутом круге, ибо его конечная цель всегда одна и та же: возвращение к истокам – к родному дому, матери, Земле. То есть одна из основных идей Ницше – идея «вечного возвращения»⁷ – становится в поэме Ондрейова основополагающей. Эта идея реализуется словацким писателем с помощью образа героя – путника, после многих разочарований пытающегося найти утешение за пределами привычного мира, в природе. Поиск человеком правды, справедливости, смысла жизни и обретение их в самом себе, в самосовершенствовании – вот, с точки зрения Ондрейова, круг, которым суждено пройти каждому ищущему. Несомненно, эта идея, да и сам образ путника восходит к образу героя-странника Заратустры, с характерной для него устрем-

⁶ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 273. Выделено здесь и далее автором.

⁷ По этому поводу Ницше писал в своих автобиографических заметках «ЕССЕ НОМО»: «Теперь я расскажу историю Заратустры. Основная концепция этого произведения, мысль о вечном возвращении, эта высшая форма утверждения, которая вообще может быть достигнута...» (Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 743).

ленностью в себя, в глубины собственного внутреннего мира. Таким образом, философский смысл «Мартина Ноциара Якубовие», несомненно, содержит отголоски ницшеанской «философии жизни», тяготеющей к апологетике мифа и во многом определившей специфику романа XX века.

«Знаете, – пишет Ондрейов, – почему я сижу здесь, под горой, при костре догорающем; ничего иного, но лишь себя самого ищу я» (с. 2). У Ницше мы читаем:

«И вот какую тайну поведала мне сама жизнь. “Смотри, – говорила она, – я всегда должна преодолевать самое себя”».

Конечно, вы называете это волей к творению или стремлением к цели, к высшему, дальнему, более сложному: но все это образует единую тайну»⁸.

Обратившись к традиционному приему сюжета-путешествия, оба автора рассказывают нам о том, как герои, покинув родной дом, отправляются в мир.

«Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свою родину и озеро родины и пошел в горы. Здесь наслаждался он своим духом и своим одиночеством и в течение десяти лет не утомлялся счастьем своим» (с. 9).

Так начинает Ницше свое повествование. Как бы вторя ему, Ондрейов пишет:

«Покидаю родной дом. Стою на горе Темрави, внизу вижу притулившийся сгорбленный дом моей матери» (с. 9).

Причина, побудившая героев оставить родные места, практически одна и та же.

«Когда солнце начнет садиться и красный закат переправится через небо и землю, – рассказывает ондрейовский герой, – тогда вы увидите меня, идущего дорогой далекой. Пожелайте мне встретиться с Познанием, ибо Познание искать иду я» (с.10).

У Ницше:

«Все живое проследил я, я прошел великими и малыми путями, чтобы познать его свойство» (с. 100).

Герой Ницше, погруженный в собственное «я», свой внутренний мир, не утрачивает контакта с реальной действительностью, хотя порой бывает трудно распознать меру объективности в его суждениях. На пути за Познанием, являющимся мотивацией действия, ондрейовский путник посещает места, которые воспринимаются как

⁸ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 101. Далее произведение цитируется по этому изданию, номера страниц указываются в тексте.

конкретное наполнение идей: «Памятник ошибке», «В городе Банкротов», «В городе Разочарования» и т. п. Его видение мира приближено к реальности, о чем, в частности, свидетельствует упоминание словацких реалий. Оказавшись в «Городе Разочарования», он размышляет: «Город Разочарования, город великолепных дворцов здесь стоит. В дворцах новые пророки народа живут. Новые и лживые пророки, что свободу и хлеб всем страждущим обещали. Народ поставил им памятники, они воздвигли ему законов пирамиды, высоко возвышающиеся над татранскими вершинами» (с. 15). Позже, в трилогии, образ города обретает у Ондрейова еще большую конкретность, становится для героев олицетворением зла, символом силы, разрушающей мир гармонии.

В «Заратустре» Ницше как бы сводит воедино идеи, уже осмысленные им в других произведениях. В первую очередь это относится к центральной проблеме его творчества – проблеме личности и сверхчеловека, с которой обычно связывают имя писателя и которая в разные времена истолковывалась по-разному⁹. «Экстатический» характер этой личности¹⁰ затрудняет возможность познания меры объективности в ее рассуждениях. То есть грань между миром героя и его представлениями о внешней действительности как бы размыта (то ли сон, то ли явь). Более того, нередко Ницше непосредственно прибегает к воссозданию снов (см. главу «Прорицатель»), что характерно также и для Ондрейова (главы «Сон», «Видение» и др.). Познать себя для Заратустры означает проявить волю к власти, ибо для него «воля к власти есть воля овладения самим собой, своим миром»¹¹.

⁹ Так, в отличие от более поздних произведений, где необходимость воспитания «сверхчеловека» (как «здорового человека», «гармоничной личности») Ницше относит ко всему человечеству, на раннем этапе творчества он видит основную цель лишь в воспитании «высших представителей» человечества, которые, по утверждению сестры философа – Елизаветы Ферстер-Ницше, были его «юношескими идеалами». В работе «Шопенгауэр как воспитатель» он, в частности, писал: «Человечество должно неустанно работать, чтобы рождать отдельных великих людей – в этом, и ни в чем другом, состоит его задача» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 28).

¹⁰ Исследователь творчества Ницше М. Коренева подразумевает под «экстатичностью» личности то, что «она свое существование истолковывает как экзистенцию, как выхождение за пределы самой себя, и как состояние экстаза, то есть выхода за пределы самой себя» (Коренева М. Вступление // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. СПб., 1993. С. 12).

¹¹ Михайлов А. В. Несколько слов о книге Ницше // Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1994. С. 13.

Таким образом, сверхчеловек Ницше – это как бы продукт процесса самопознания личности, это человек, преодолевающий данные ему возможности и утвердивший себя в этом самопознании, то есть идеал человека, человек будущего, исключительная личность. Одновременно это человек, наслаждающийся своей властью, – пусть даже эта власть направлена на себя самого, на овладение собой и своим миром. То есть в произведении по-прежнему представлено, хотя и в несколько ином виде, двойственное понимание Ницше сущности сверхчеловека. Как отмечает российский исследователь В. Виндельбанд, в «Заратустре» эти оба понятия «смешиваются и переходят друг в друга, представляя собой весьма пеструю картину. Ясно, что одно из них похоже на гениальность романтизма, а другое – на социологический эволюционизм»¹².

Путь к этой вершине, к возвышению человека автору представляется следующим:

«Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?»

Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором.

Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяною, и даже теперь еще человек больше обезьяна, чем иная из обезьян» (с. 11–12).

В поэме Ондрейова также присутствует тенденция к воссозданию схемы развития человека. Начав с упоминания о поисках следов «прачеловека», об «окутанных легендой правременах», о «человеке, который одевался в шкуры зверей», о «далеком предке», автор приходит к пророчеству горы Великих Видений, где говорится:

«Болен дух человека грехами столетий, лишь великая жертва его может излечить. Порождать должен человека, которого ни женщина, ни золото, ни веревка палача не собьют с толку...» (с. 53).

Вслед за героем Ницше ондрейовский путник преодолевает разочарование, пессимизм своей верой в совершенство человека. Избавившись от иллюзий относительно возможности преобразовать мир, он обретает Правду в том, что открывает в себе человека. И находит смысл жизни на Земле. У Ницше мы читаем:

¹² Виндельбанд В. От Канта до Ницше. М., 1998. С. 466.

«Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: “Да будет сверхчеловек смыслом земли!”

Я заклинаю вас, братья мои, *оставайтесь верны земле...*» (с. 12).

И далее: «Оставайтесь верны земле, братья мои, со всей властью вашей добродетели! Пусть ваша дарящая любовь и ваше познание служат смыслу земли! Об этом прошу и заклинаю я вас...

Поистине, местом выздоровления должна еще стать земля! И уже веет вокруг нее новым благоуханием, приносящим исцеление, – новой надеждой!» (с. 68)

У Ондрейова: «Мать Земля – это наша мать. Она дала нам жизнь, а значит, и право на нее» (с. 11). Именно в этом состоит задача поэта – пророка Великих Видений, глашатая будущего человека.

С понятием Правды, Человека у Ондрейова, как и у Ницше, неразрывно связано и понятие Земли. По сути, это ключ к пониманию не только его поэмы, но и прозаических произведений. Мартин Ноциар Якубовие – дитя Земли, и его путь за Правдой и Познанием – это своего рода возможность реализовать мечты о справедливой жизни, являющейся одним из законов Земли-Матери, образ которой, по наблюдениям критика Я. Штевчека, обретает у словацкого писателя космические масштабы. Вместе с тем ондрейовская версия человека с его тяготением к правде, справедливости, добру отчасти близка народным представлениям о «збойничестве», сохранившимся в словацком фольклоре. Мотив «збойничества», который весьма ощутим в поэме, получит свое дальнейшее развитие в трилогии.

«Все вы – мои братья, – провозглашает ондрейовский путник, – и любовь моя говорит вам:

“Поделитесь хлебом Матери Земли, ибо все вы – ее дети. Не отнимайте у Матери то, что не нужно вам самим. И следуйте за мной, и перед нами откроется бескрайний мир, которому мы возвестим новую веру, веру спасения”» (с. 53). И далее в главе «Видение»: «Гей, святая гора, на тебе открыл я в себе человека. И открыл я смысл жизни на земле. Вижу я новый мир, стоящий на пороге будущего...» (с. 53). То есть, как отмечает Я. Штевчек, «почти ницшеанская идея является кульминацией идейной направленности ондрейовского эпоса»¹³.

Мартин Ноциар Якубовие становится поэтом-пророком, чтобы действовать сотворению нового мира. При этом основным принципом, которым он руководствуется в своем творчестве, является искренность: он хочет писать «ржавым гвоздем, смоченным в собст-

¹³ Števček J. Dejiny slovenského románu. Bratislava, 1989. S. 312.

венной крови» (с. 17). И в этом Ондрейов следует за Ницше, который неоднократно возвращается к проблеме назначения поэзии, роли поэта. Ницше также отдает предпочтение правде и искренности: «Из всего написанного люблю я только то, что пишется своей кровью. Пиши кровью: и ты узнаешь, что кровь есть дух» (с. 35).

И далее: «Я устал от поэтов, древних и новых: поверхностны для меня они все, и отмели они для меня на море.

Они недостаточно вдумались в глубину: потому и не опускалось чувство их до самого дна...

Я видел уже поэтов изменившимися и направившими взоры против самих себя» (с. 113–114).

Еще более отчетливо Ондрейов сформулировал свои взгляды на поэзию и роль поэта в «Анкете о поэзии» (журнал «Поступ», 1934), где он, в частности, писал: «Поэт есть глашатай своего народа (разумеется, не такой, как значительное большинство наших депутатов), который выражает его чувства, его требования, его страсть, печаль, радость... Поэтому он должен стремиться – невзирая на различные «измы» и поэтические выкрутасы культурного зарубежья – говорить языком, который понимает не только собрание, передающее чувства народа, но и сам народ»¹⁴.

Вслед за Ницше Ондрейов предельно откровенен в своих стремлениях и оценках. Устремленность обоих писателей к Правде, которую они ставят превыше всего, порой граничит с сумасшествием. В главе «Сумасшедший и правда» словацкий писатель – устами нищего, исполняющего вечернюю песню, – говорит о горечи познания, о раздирающей душу Поэта Правде жизни: «Слушаю его вечернюю песню, которая разбивает мое сердце. В ней говорится, что сумасшедший тот, кто Правду ищет. Так песня эта назвала душу мою сумасшедшей» (с. 10).

И для Ницше судьба поэта – это и дар, и проклятие одновременно. Ибо эмоции всегда являются препятствием на пути к объективному познанию действительности. Об этом поет старый чародей в «Песне тоски» из «Заратустры»:

«Ты *правды* рыцарь? Ты? Так тешились они.

Нет, ты поэт, и только.

Ты хищный, лживый ползающий зверь,

Который должен лгать,

Под маской хитрой жертву карауля,

Сам маска для себя

¹⁴ *Ondrejov L. Anketa o poézii // Postup. 1934. Č. 9.*

И сам себе добыча.
И это рыцарь правды?! Нет.
Лишь скоморох, поэт, и только,
Хитро болтающий под маскою затейной.
Ты, рыскающий вкруг, карабкаясь, вползаешь –
По ложным из нагроможденных слов мостам,
По лживым радугам среди небес обманных.
Лишь скоморох, поэт, и только» (с. 259).

Сходство произведений Ницше и Ондрейова прослеживается и на уровне жанрово-стилевых структур. Жанровая форма «Заратустры» синкретична. Так, некоторые исследователи утверждают, что это «философская поэма», другие – «поэтически-философский миф», третьи – книга, которая представляет собой «символ, иносказание, миф». Как и «Заратустру», вобравшего в себя черты философского трактата, мифа, новеллистического цикла, поэмы, песни, Библии¹⁵, поэму Ондрейова отличает жанровый синтез. В частности, ей присущи признаки таких жанровых форм, как поэма, новелла, дневник, миф, песня, Библия. Тем не менее, во многом подражая Библии (уподобление библейскому стилю, наличие библейских пародий-параллелей, членение на главы, включение в прозаический текст стихов и т. п.), Ницше, все же отдает предпочтение субъекту (использование «я»-формы), власти эмоций¹⁶. На активность лирического начала обращал внимание и сам автор, именуя свое произведение «симфонией». Это подтверждает включение в текст «песен» («Песня-пляска», «Ночная песнь», «Надгробная песнь», «Другая песнь-пляска», «Песнь тоски», «Песнь опьянения»).

И Ондрейов, обозначив «Мартина Ноциара Якубовие» как «социальный эпос», одновременно в подзаголовке подчеркивал субъективный характер повествования: «Дневник о жизни и любви, о смерти и будущем». Об этом свидетельствует использование «я»-формы, чередование прозаического и поэтического текстов. Причем прозаический

¹⁵ По наблюдению К. А. Свасьяна, «вся книга пронизана скрытыми и зачастую пародийными параллелями к Ветхому и Новому Заветам (не говоря уже о парафразах из древних и новых авторов: Гомера, Аристотеля, Лютера, Шекспира, Гете, Вагнера и др.)» (Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 77).

¹⁶ На эту особенность «Заратустры» обращает внимание сестра Ницше – Елизавета Ферстер-Ницше. «“Заратустра”, – писала она, – это интимнейшее из творений моего брата, история его глубочайших переживаний, его привязанностей, идеалов и радостей, его самых горьких разочарований и страданий» (Ферстер-Ницше Е. Возникновение «Так говорил Заратустра» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 2).

ческие пассажи, являющиеся носителями действия (некоторые из них напоминают библейские пророчества), повествуют о пути Мартина Ноциара Якубовие к познанию мира, о его исполненных иллюзий размышлениях о жизни. Лирические вставки придают этим рассказам эмоциональный характер, разрушают все иллюзии. Мир, сотворенный в воображении героя, рушится, превращается в ничто. Субъективную окраску произведению, как и «Заратустре», придает включение в текст песен («Песнь горняков», «Песнь жизни», «Застольная песня», «Вечерняя песня»), а также мотивы природы, детства, матери-защитницы.

Однако видение мира словацким писателем все же более приближено к действительности, заземлено, о чем, в частности, свидетельствует использование словацких реалий (например, упоминание «татранских вершин» в главе «Город Разочарования»). Порой в произведении просматривается социальный подтекст, хотя автор настойчиво уходит от общественно значимых проблем, стремится как бы возвыситься над ними. В трилогии, представляющей собой своего рода эпическую конкретизацию «Мартина Ноциара Якубовие», социальное начало заметно активизируется. При этом главного персонажа – Ергуша Лапина – можно рассматривать как некую «инкарнацию» образа путника из поэмы.

По мнению многих исследователей, Ницше был не только незаурядным мыслителем, но и блестящим поэтом. В частности, М. Коренева пишет: «... он поражал яркостью образов и необычностью языка, в котором неожиданные повороты мысли укладывались в жесткие конструкции синтаксиса и логика поэта грозила разрушить логику языка, в котором символические откровения вливались в отточенную форму афоризмов, ломая привычные стереотипы жанров, – так, стирая границы между поэзией и философией, “вне всяких правил”, он самой формой старался утвердить истинность своих суждений»¹⁷.

Многие авторы важнейшим свойством поэтики «Заратустры» считали музыкальность¹⁸. Сам Ницше в одном из своих писем отмечал,

¹⁷ Коренева М. Вступление // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. С. 12.

¹⁸ Так, К. А. Свасьян пишет: «... едва ли было бы преувеличением сказать, что эта книга должна и может быть не просто прочитана, а исполнена в прочтении, на манер музыкального произведения» (Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 772). Сам же Ницше высказался по этому поводу еще более определенно. В его автобиографических заметках «ЕССЕ НОМО» мы читаем: «Может быть, всего Заратустру позволительно причислить к музыке – несомненно,

что в «Заратустре» он довел немецкий язык до совершенства. «Мой стиль – *танец*, – писал он, – игра симметрий всякого рода и в то же время перескоки и высмеивание этих симметрий – вплоть до выбора гласных»¹⁹. На интересную стилевую особенность произведения в свое время обратил внимание А. Белый, отметивший, «что только у Фридриха Ницше ритм прозы звучит с гоголевской силой»²⁰.

В поэме Ондрейова прозаические пассажи напоминают «стихотворения в прозе». Кстати, именно на эту особенность своего творчества обращал внимание сам автор. В одном из его писем мы читаем: «...характер моей прозы совершенно отличный от большинства прозаических произведений. Я творю лирику в прозе, которая является реакцией на глубинные внутренние движения и которую нельзя создавать в любое время, а посему ее нельзя сравнивать с прозой, эпикой, которую можно писать почти каждый день. Иначе говоря, если бы я изобразил свою прозу подобно стихотворению, то из каждой ее части получилась бы целая книга»²¹.

Наряду с поэтикой мифологизирования Ондрейов использует фольклорную образность, стиль, ритмику народной песни, повести. А трагический образ героя-одиночки, атмосфера таинственности, окружающая его, рождают ассоциации со словацкими балладами. Так, трагическую окраску приобретает способность персонажа видеть социальное зло, сострадать ему и одновременно реагировать на него лирическими пассажами, испытывать чувство привязанности к Земле, Матери и в то же время постоянно стремиться в мир иной, отрекаясь от всего, что так дорого его сердцу.

Друг и единомышленник Ондрейова – известный художник З. Палудяй, сравнив его поэму с живописью словацкого импрессиониста М. Базовского, увидел в нем даже некоторую мистику: «Это Нирвана словацкая, небольшая Нирвана маленького народа, – писал он. – Словацкая земля, высокие темные ельники, мгла в глубокой долине, черные вершины врезаются в небо, и плывут-плывут большие тучи над горой. Все дышит мистикой, и это проявляется в его поэзии... Автор передал именно эту мелодичную мистику Словакии»²².

возрождение искусства *слышать* было его предварительным условием» (Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 744).

¹⁹ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 77.

²⁰ Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 227.

²¹ Цит. по материалам литературного архива Матицы Словацкой в г. Мартине (Словацкая республика).

²² Palugay Z. Martin Nociar Jakubovie // Národné noviny. R. 65. 1934. Č. 28. S. 5.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с

Постепенное овладение фольклорными традициями наряду с дохристианской мифологией является определяющим вектором творческой эволюции Ондрейова. Это станет одним из основных свойств поэтики его трилогии.